

Д. Тертри

РУССКИЙ ВОПРОС В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье в свете украинского кризиса анализируется геополитическое измерение существования за пределами Российской Федерации многомиллионного русского и русскоязычного населения. Особенное внимание уделяется демографической и идентичной составляющим, которые влияют на взаимоотношения России с русскоязычным сообществом за рубежом. Несмотря на политику деруссификации отдельных стран (в частности, Эстонии, Латвии, Украины), русскоязычие сохраняет первостепенную роль в Восточно-Европейском регионе постсоветского пространства. В южной части бывшего СССР («Евразийские Балканы») русскоязычные сообщества составляют меньшинства, которые пережили сильный демографический упадок, хотя русский сохраняет роль языка межнационального общения. Русскоязычная идентичность является наследием как советского культурного проекта, так и более древнего существования русской (восточнославянской) наднациональной идентичности. Большинство русскоязычного населения, несмотря на неоднозначные отношения с Москвой, выступает за сохранение тесных связей и открытых границ с Россией. Попытки преодолеть синдром «разделенного народа» путем межгосударственной интеграции и выдвижения концепта о Русском мире сталкиваются с политическим курсом национальных элит новых независимых государств и геополитическими амбициями западных держав. Русская православная церковь выступает важным институтом, заинтересованным в продвижении идеи Русского мира. Однако проблема появления межгосударственных границ, разделивших русское и русскоязычное население, — один из факторов сепаратизма на постсоветском пространстве. После «воссоединения» Крыма с Россией вооруженный конфликт в Донбассе является трагическим следствием противостояния внутри Украины двух геополитических и культурно-языковых проектов. Автор приходит к выводу, что существование русскоязычной наднациональной идентичности — не только вызов для новых независимых государств, но и важная составляющая взаимоотношений между Россией и «соотечественниками за рубежом». Библиогр. 19 назв. Табл. 3.

Ключевые слова: Русский мир, русскоязычное население, соотечественники за рубежом, российская внешняя политика, геополитика ближнего зарубежья.

Для цитирования: Тертри Д. Русский вопрос в постсоветский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 43–56. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.104

David Teurtrie

THE RUSSIAN QUESTION IN THE POST-SOVIET PERIOD

This article examines the geopolitical dimension of the existence of several million Russians and Russian-speakers outside the Russian Federation in the light of the Ukrainian crisis. Special attention is paid to the demographic and identity components that affect Russian relations with the Russian-speaking community abroad. Despite a policy of de-Russification in certain countries (particularly Estonia, Latvia and Ukraine), the Russian language retains a primary role in Eastern post-Soviet Europe. In the southern part of the former USSR (“Eurasian Balkans”), the Russian-speaking community is a minority that has experienced a strong demographic decline, although the Russian language retains the role of a *lingua franca*. The Russian-speaking identity is a legacy of the Soviet cultural project and of the more ancient existence of the Russian (East Slavic) supranational identity. The majority of the Russian-speaking population, despite ambiguous relations with Moscow, is in favour of maintaining close relations and open borders with Russia. Attempts to overcome the syndrome of “divided nation”

Тертри Давид — кандидат географических наук, исследователь, Национальный институт восточных языков и цивилизаций (ИНАЛКО), Франция, 75007, Париж, улица Лиля, 2; david.teurtrie@inalco.fr

Teurtrie David — PhD, Research Fellow, INALCO, 2, rue de Lille, Paris, 75007, France; david.teurtrie@inalco.fr

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

by interstate regional integration and by the promotion of the concept of a Russian world are faced with the political course of the national elites of the new independent States and geopolitical ambitions of Western powers. The Russian Orthodox Church is an important institution interested in promoting the idea of a Russian world. However, the problem of the emergence of international borders, dividing the Russian and Russian-speaking population, is one of the factors of separatism in the former Soviet Union. After the “reunification” of Crimea with Russia, armed conflict in the Donbas is a tragic consequence of confrontation in Ukraine between two geopolitical and cultural-linguistic projects. The author concludes that the existence of the Russian-speaking supranational identity is not only a challenge for the new independent States, but also an important component in relations between Russia and its “compatriots abroad”. Refs 19. Tables 3.

Keywords: Russian World, Russian-speaking population, Russian population abroad, Russia's foreign policy, Geopolitics of Russia's near abroad.

For citation: Teurtrie D. The Russian question in the post-soviet period. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 1, pp. 43–56. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.104

Кризис на Украине показал, настолько актуальным остается вопрос о русском и русскоязычном населении в новых независимых республиках на постсоветском пространстве. В данной статье предлагается рассмотреть эту многогранную тему со стратегической точки зрения, проанализировать демографический «вес» русского и русскоязычного населения, его самоидентификацию в новой геополитической реальности и природу взаимоотношений этого населения с Россией. Таким образом можно лучше понять проблему сепаратизма и определения границ на постсоветском пространстве, которое претерпевает глубинные изменения.

Демографические и территориальные аспекты «русского вопроса»

По данным последней советской переписи населения [Всесоюзная перепись 2016], проведенной в 1989 г., в результате распада СССР около 25 млн этнических русских¹ оказались за пределами границ Российской Федерации, на территории новых независимых государств. Это огромная цифра в мировом масштабе, сравнимая разве что с китайской диаспорой. В начале 1990-х годов население Российской Федерации насчитывало примерно 148 млн человек, из них 120 млн русских. Таким образом, доля этнических русских, оказавшихся за рубежом, составляла на тот момент 17,5%. При этом если русское население распределено по всей территории бывшего СССР и присутствует во всех крупных городах, то за пределами Российской Федерации оно в большинстве своем сосредоточено в пограничных зонах, таких как Юго-Восточная Украина, Крым или Северный Казахстан. Это обусловлено двумя главными причинами. Во-первых, территориальную экспансию Российской империи, начавшуюся несколько столетий тому назад и продолжившуюся в советскую эпоху, сопровождали демографический рост и миграция русского населения в сопредельные территории. Во-вторых, сложившаяся ситуация связана с формированием российской территории в эпоху СССР: Советская власть значительно уменьшила пространство Российской Советской Федеративной Социалистической

¹ Категория «русский» в советской и постсоветской официальной классификации имеет узко-этнический характер (национальность) и является синонимом устаревшего понятия «великоросс». Поскольку понятие «русский» продолжает носить более широкий и многогранный смысл, использование категории «этнические русские» позволяет точнее обозначать категорию «русские», унаследованную советской системой (в частности, в переписях населения).

Республики (РСФСР) в пользу соседних республик (Украины, Белоруссии, Казахстана). Присоединение Крыма к Украинской ССР в 1954 г. по личному решению Н. С. Хрущева — наглядный пример и завершающий этап этой политики. Таким образом, границы Российской Федерации с бывшими советскими республиками не являются результатом дореволюционного наследия и одновременно не соответствуют распределению русского населения на постсоветском пространстве. Становясь межгосударственными в начале 1990-х годов, эти границы не были легитимными в глазах большинства российского населения. Если добавить к этому утрату статуса супердержавы, становится понятно, почему «русский вопрос» имеет такое значение для стабильности постсоветского пространства.

Кроме того, русское языковое и культурное пространство охватывает не только этнических русских. На момент распада СССР 62 % нерусских советских граждан считали, что свободно владеют языком Пушкина [Москальков 1990, с. 15]. Однако географические реалии «русскоязычия» неравномерны, тем более что региональные различия усиливаются после распада СССР.

В целом можно выделить два макрорегиона, в которых русскоязычие выражается по-разному и где, соответственно, цели и задачи Москвы сильно разнятся: первый регион — так называемые «Балканы Евразии» [Бжезинский 2013], т. е. Закавказье (Армения, Азербайджан и Грузия) и южная часть Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан). Там русские относительно малочисленны и сосредоточены в крупных городских центрах республик. За исключением русскоговорящей элиты русский язык не конкурирует с национальными языками и используется прежде всего в качестве «языка межнационального общения»: к концу советского периода «от 65 % до 74 % народов Закавказья и от 57 % до 75 % народов Центральной Азии плохо владеют или совсем не владеют русским языком» [Москальков 1990, с. 16]. Второй макрорегион включает в себя европейскую часть бывшего СССР, Казахстан и Кыргызстан. Доля русского населения там значительно больше; кроме того, русские живут на территориях, граничащих с Россией и в глубоко русифицированном обществе. В этих республиках русский язык напрямую конкурирует с национальными языками, которые нередко оттеснены на второй план. Так обстоит дело на Украине и в Белоруссии, где этническая и культурная близость и общая религия, а также давняя интеграция и смешение населения обеспечили глубинную русификацию: Украина имела самый высокий процент смешанных браков в СССР, прежде всего между представителями русской и украинской национальностей [Janmaat 1999, p. 481]. В юго-восточных регионах УССР население было близко к «слиянию национальностей», проповедуемому Советской властью. На момент распада СССР больше чем две трети украинцев и около 80 % белорусов свободно владели русским языком. Именно в этом регионе располагается большая часть русскоязычных общин, обозначаемых, особенно в западном научном дискурсе, термином «русскоязычные» (фр. *les russophones*, англ. *russian-speaking population*) — в отличие от других частей русскоговорящего постсоветского населения, для которых русский язык не является главным, наиболее широко используемым.

Этот контраст между «евроазиатскими Балканами» и постсоветской Восточной Европой заметно обострился в ходе последнего десятилетия из-за разницы в демографических и миграционных тенденциях: русскоязычное население стало массово покидать Кавказ и Центральную Азию из-за разрушения экономическо-

го строя, политики дерусификации и вооруженных конфликтов. С учетом темпов демографического роста коренного населения эта тенденция привела к быстрому снижению относительной численности русскоязычного населения в южных республиках бывшего СССР: в трех закавказских республиках и южных республиках Центральной Азии этнические русские составляют не больше 3 % населения, а русскоязычные сообщества — меньше 10 % населения (см. табл. 1; таблицы составлены по национальным переписям, социологическим опросам, собранным автором данным).

Напротив, в западной части постсоветского пространства эмиграция русскоязычного населения была намного более ограничена. Кроме того, демографический кризис в равной мере затронул всех жителей этого региона. Таким образом, новые поколения, даже когда они получают образование внутри национальной системы, чаще всего приспосабливаются к языковым привычкам старших поколений, выросших в советское время и предпочитающих общаться на русском языке. Наконец, даже когда русскоязычное население подвергается различным ограничениям в большинстве указанных государств, продолжение русификации в Белоруссии,

Таблица 1. Русское и русскоязычное население в Закавказье и Центральной Азии в 2016 г.

Население	Армения	Азербайджан	Грузия*	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан	Туркменистан
Все население, млн чел.	3	9,5	4	17,5	6	31,5	7,5	5
Этн. русские, %	0,5 %	1,5 %	1,3 %	21 %	6,5 %	2,5 %	0,5 %	3 %
Этн. русские, млн чел.	0,02	0,14	0,05	3,68	0,39	0,79	0,04	0,15
Русскоязычные, %	3 %	5 %	8 %	40 %	20 %	5 %	4 %	5 %
Русскоязычные, млн чел.	0,15	0,48	0,32	7	1,2	1,58	0,3	0,25

* С учетом населения Абхазии и Южной Осетии.

Таблица 2. Русское и русскоязычное население Восточной Европы в 2016 г.

Население	Эстония	Латвия	Литва	Белоруссия	Молдавия	Украина
Все население, млн чел.	1,3	2	2,8	9,5	3,6	42,6
Этн. русские, %	25,5 %	27 %	6 %	9 %	6 %	16 %
Этн. русские, млн чел.	0,33	0,54	0,17	0,86	0,24	6,8
Русскоязычные, %	30 %	34 %	9 %	85 %	20 %	50 %
Русскоязычные, млн чел.	0,39	0,68	0,25	8,08	0,8	21,3

Таблица 3. Русское и русскоязычное население в ближнем зарубежье в 2016 г.

Население	Восточная Европа	Закавказье	Центральная Азия	Ближнее зарубежье
Все население, млн чел.	61,8	16,5	67,5	145,8
Этн. русские, %	14,5 %	1,3 %	7,5 %	9,7 %
Этн. русские, млн чел.	8,94	0,21	5,05	14,2
Русскоязычные, %	51 %	5,8 %	15,3 %	29,3 %
Русскоязычные, млн чел.	31,5	0,95	10,3	42,75

сплочение русскоязычной общины в Прибалтике и противостояние политике украинизации со стороны русскоязычного населения на юго-востоке Украины приводят к тому, что русский язык продолжает доминировать в восточноевропейской части постсоветского пространства. Русскоязычная группа составляет более 50 % населения в этом регионе, который простирается от Черного моря до Балтийского (см. табл. 2 и 3). Пропорция же владеющих русским языком значительно больше и касается абсолютного большинства населения данного региона.

Определение численности этнических русских и русскоязычных сообществ в разных странах постсоветского пространства тесно связано с анализом феномена русскоязычности. Если цифры о численности этнических русских достаточно просто получить из данных последней переписи населения каждой из этих стран, то установление численности русскоязычного населения — довольно сложная задача, которая требует анализа данных различных источников (официальная статистика, социологические опросы, полевые исследования). Полученная статистика позволяет более объективно оценить ситуацию русскоязычия в ближнем зарубежье. В самом деле, взаимоотношения России с русскоязычным сообществом сильно разнятся в зависимости от его удельного веса в той или иной стране постсоветского пространства. В республиках Прибалтики, в Закавказье и южной части Центральной Азии, где существует большая этнокультурная разница между русскоязычным сообществом и титульной национальностью, к русскоязычному сообществу относятся прежде всего население восточнославянского происхождения. В Казахстане, Киргизии и Молдавии к славянскому населению нужно добавить часть титульной национальности в силу ее высокой русификации. Что касается Беларуси и особенно Украины, то тут из-за языковой и этнокультурной близости приходится делать оценку, позволяющую провести грань между русскоязычным населением (исключительно или преимущественно говорящим на русском языке) и просто русскоговорящим (владеющим языком).

Русскоязычие как идентичность?

Масштаб русскоязычных общин и относительная схожесть их социально-культурного поведения побудили некоторых исследователей, особенно в западных научных кругах [Laitin 1998], к определению русскоязычной идентичности, которая преобладает в Беларуси, в юго-восточных областях Украины, на севере Казахстана, в Приднестровье и некоторых районах и крупных городах Прибалтики и Молдавии. Этим русскоязычным сообществам присущи не только приверженность русскому языку и культуре, но и некоторая коллективная «советская» наднациональная идентичность. Согласно такой концепции русскоязычия, подобная идентичность отличает большинство белорусов, украинцев, равно как евреев² и немцев, уехавших из республик бывшего Советского Союза и формирующих русскоязычную «диаспору» в дальнем зарубежье (в частности, в Израиле и Германии). Начиная с конца 1990-х годов в официальном дискурсе и законодательных актах Российской Федерации, а также в российской научной литературе русскоязычные сообщества

² К концу советского периода евреи составляли наиболее лингвистически русифицированную часть населения; 83,3 % считали русский язык родным и 97 % свободно на нем говорили.

в ближнем и дальнем зарубежье (включая «белую» русскую эмиграцию) именуется «соотечественники за рубежом» [Омарова 2008, с. 34–41].

В случае славянского населения русскоязычная идентичность — это продолжение предшествующей ей наднациональной коллективной идентичности. До революции определение «русский» несло широкий этнокультурный смысл и включало как великороссов, так малороссов и белорусов. Этимологически эпитет «русский» происходит от слова «Русь», которое отсылает как к средневековой Руси, так и к порожденной ею православной славянской цивилизации.

Именно Советская власть в 1920-е годы, стремясь к укреплению системы союзных республик на основе отдельных национальностей («национальное строительство») и желая ослабить «великорусский шовинизм», решила, что определение «русский» будет отныне относиться только к великороссам. В некотором отношении для большей части восточнославянского населения потеря этой «наднациональной» этнокультурной принадлежности компенсировалась осознанием своей «советской» принадлежности. Таким образом, нынешняя «русскоязычная» идентичность основывается не только на советском наследии, а вписывается в намного более давний исторический контекст.

Между тем представление о том, что термин «русский» относится ко всем восточным славянам, продолжало существовать и после революции, в том числе в академических кругах. А. И. Вдовин отмечает, что «П. А. Сорокин, профессор кафедры социологии Петербургского университета, высланный из России в 1922 году и завоевавший в Америке славу одного из основателей современной научной социологии (в 1964 г. он стал председателем Американской социологической ассоциации, что явилось актом высочайшего признания заслуг ученого), был верен таким представлениям вплоть до конца своих дней. “Русская нация, — писал он в 1967 г., — состоит из трех основных ветвей русского народа — великороссов, украинцев и белорусов” <...>» [Вдовин 2009].

Стоит отметить, что «народное», разговорное использование термина «русский» в его старом понятии до сих пор встречается на Украине и в Белоруссии, особенно когда речь идет о том, чтобы отличить местное (славянское) население от иностранного, западноевропейского.

Сознание наднациональной идентичности особенно сильно в Белоруссии [Teurtrie 2011], где, по данным социологического опроса независимого белорусского исследовательского института НИСЭПИ, две трети белорусов продолжают считать, что русские, белорусы и украинцы представляют собой «три ветви единого народа» [НИСЭПИ 2009]. Именно непонимание или отрицание этого явления часто побуждает недооценивать важность русскоязычной идентичности и ее живучести в контексте построения новых независимых государств. Приверженность русскоязычных слоев населения русскому языку и культуре нередко болезненно воспринимается национальной элитой новых независимых республик, которые видят в этом угрозу независимости страны. Однако для большинства русскоязычного населения русский язык олицетворяет возможность отождествлять себя с огромным культурным (и экономическим) пространством и соответственно не ограничивать себя узкими границами и узконациональным менталитетом. Это также способ сохранять контакт с миром через СМИ и новые технологии, будь то российские телеканалы, которые остаются крайне популярны на постсоветском пространстве,

или русскоязычный Интернет, который ни в чем не уступает западному. Таким образом, помимо культурно-исторического наследия, русский язык является своего рода вектором современности в отличие от национальных культур, которые порой воспринимаются как сугубо местные.

Особое отношение к новым межгосударственным границам

Появление новых межгосударственных границ вызывает беспокойность русскоязычного населения, которое помимо общего языка и культуры, как правило, связывают с другими республиками и семейные узы.

Американский исследователь Д. Лэйтин отмечает, что «русскоязычное население < ... > было заинтересовано в советском цивилизационном проекте. Он давал ему право на единый язык, а также позволял свободно перемещаться между советскими республиками и РСФСР, не пересекая государственной границы. Оно располагало всеми преимуществами огромного рынка труда < ... >. Русскоязычные жители советских республик представляли собой образец советского гражданина. После распада Советского Союза они оказались перед угрозой потерять родину и стать гражданами (по паспорту) не существующей больше страны (их родной страны!), что оказалось для них глубокой травмой» [Laitin 1998, p.87–93]. Одно из основных требований этого населения — сохранение свободного перемещения между новыми независимыми республиками.

Возможно, именно поэтому безвизовый режим, установленный в момент создания Содружества Независимых Государств (СНГ) и ставший одним из его наиболее характерных преимуществ, сохраняется до сих пор, несмотря на давление со стороны определенной части российского общества, которая выступает за ужесточение миграционного контроля. Безвизовый режим упрощает интенсивное миграционное движение, благодаря которому сохраняются тесные связи между населением России и соседних республик. То, что русскоязычное население придает большое значение связям с Россией, видно на примере прибалтийских республик, несмотря на то что последние стали членами ЕС и НАТО: часть сотен тысяч «неграждан», живущих в Латвии и Эстонии, похоже, примирилась с этим «статусом» (который, между прочим, лишает ее гражданских прав), в том числе потому, что он дает возможность свободно перемещаться (не оформляя визу) между страной проживания и Россией. Стоит отметить, что вопреки изначальной уверенности европейских элит в быстрой «европеизации» прибалтийских русскоязычных сообществ, среди них, наоборот, наблюдается довольно высокая степень лояльности к России. Такая лояльность во многом пропорциональна уровню правовой и культурной дискриминации, проводимой эстонскими и латышскими властями в отношении русскоязычного населения.

Однако к концу советской эпохи уже были слышны голоса, требовавшие более радикальных мер при решении вопроса о границах. Так, например, Александр Солженицын, приветствовавший распад советской империи, выступал за пересмотр границ. Лауреат Нобелевской премии по литературе признавал право прибалтийских республик на независимость и активно выступал за отделение республик Закавказья и Центральной Азии. Но он резко осуждал «искусственные ленинские границы» [Солженицын 1995] и призывал пересмотреть их в пользу России

с тем, чтобы включить в состав России «исконно» русские территории: Северный Казахстан, Донбасс, Новороссию и Крым. При этом, признавая этнокультурную близость русского, украинского и белорусского народов, он считал необходимым сохранить какую-нибудь форму союза между ними. В случае, если Украина все же решит отделиться от России, Солженицын предлагал провести опрос населения каждой из областей, чтобы выяснить, должна ли она отойти к независимой Украине или стать российской [Солженицын 1990].

Распад Советского Союза в самом деле породил сепаратистские настроения и напряженность на этой почве в Молдавии и на Украине. Опасаясь возможного присоединения к Румынии, которое не исключали на тот момент прорумынские власти, русскоязычное население Приднестровья после короткого вооруженного конфликта в 1992 г. отделилось и провозгласило создание независимой Приднестровской Молдавской Республики. При этом русские составляют здесь лишь треть всего населения (около 110 тыс. человек) этой небольшой территории площадью в 4100 кв. км. Остальные две трети населения — украинцы и молдаване. Таким образом, получается, что сепаратизм Приднестровья опирается именно на русскоязычное и «советское» самовосприятие. И если нельзя отрицать экономическое измерение приднестровского сепаратизма, то оно явно недостаточно для объяснения конфликта и «живучести» Приднестровской Республики. В некоторой степени экономическая составляющая — как раз дополнительный фактор особой идентичности Приднестровья, поскольку, будучи наиболее промышленным регионом Молдавской Республики, ее население было наиболее «советским» и русскоязычным в отличие от более аграрной и молдавскоязычной основной части Молдавии. В начале 1990-х годов местные лидеры коммунистическо-консервативного толка отрицательно воспринимались новой российской властью во главе с Борисом Ельциным. Фактически Кремль никак не участвовал в появлении этой новой территориальной единицы, даже если впоследствии российские власти использовали ее для того, чтобы удержать Молдавию в сфере влияния России. Сегодня, несмотря на свое положение анклава и дипломатическую изоляцию, Приднестровье сохраняет независимость де-факто и требует присоединения к Российской Федерации. И хотя размер территории и численность населения Приднестровья невелики, существование русскоязычной самопровозглашенной республики имеет довольно большое значение для сохранения российского влияния не только в Молдавии, но и в южных областях Украины. Как выражается журналист Светлана Гамова, «Приднестровье — это рычаг возможного воздействия на Украину. Ориентированный на Россию регион позволяет Москве осуществлять влияние на культурно-идентичные области юга и востока Украины, часть из которых составляют так называемую Новороссию» [Гамова 2016].

В начале 1990-х годов движение за независимость набирало силу и в Крыму, где подавляющее большинство населения составляют этнические русские. В январе 1991 г. партийные органы Крыма провели референдум о возвращении полуострову статуса автономной республики, за которое высказалось более 90 % жителей. Киев принял тогда решение признать изменение статуса Крыма, внося его в Конституцию Украины. В мае 1992 г. Крым провозгласил государственную самостоятельность, а Верховный Совет РФ принял резолюцию об отмене передачи Крыма Украине. Юрий Мешков создал Республиканское движение Крыма, кото-

рое ставило себе целью его присоединение к России. В январе 1994 г. Мешков был избран президентом Автономной Республики Крым и пользовался поддержкой большинства депутатов в парламенте. На тот момент казалось, что возвращение Крыма в состав Российской Федерации неизбежно. Однако правительству Украины, воспользовавшемуся молчанием Бориса Ельцина, удалось вернуть себе прямой контроль над Крымом. То, что президент Ельцин не поддержал стремления русского населения Крыма, можно объяснить рядом причин: внутри страны внимание правительства было сосредоточено на конфликте с парламентом, а затем на чеченской войне. В целом в плане внешней политики Россия занимала осторожную, выжидательную позицию по отношению к бывшим советским республикам. В случае с Украиной Москва была вынуждена соблюдать сдержанность по причине переговоров с Киевом и западными странами по поводу возвращения ядерного оружия на российскую территорию, завершено лишь в 1996 г. [Рафеенко 2004]. Наконец, российско-украинские отношения улучшились благодаря избранию в то время на пост президента Украины Леонида Кучмы, проводившего политику осторожного сближения с Россией, благоприятную для русскоязычного населения Украины. Российские элиты долго рассчитывали на то, что Крым выступит как якорь, который будет удерживать корабль «Украина» в водах Русского мира. Когда оказалось, что фактора «Крым» недостаточно для предотвращения поворота Украины в сторону Запада и к тому же Россия рискует потерять свои позиции на самом полуострове, отношение Москвы к вопросу о статусе Крыма резко изменилось.

Москва и Русский мир: неоднозначные отношения

Одной из главных внешнеполитических целей Москвы является сохранение бывших советских республик в сфере своего влияния. Наличие в них русскоязычного населения рассматривается как козырь в продвижении российско-центричных интеграционных проектов. Это одна из главных причин, по которым Россия долгое время не принимала законов «о возвращении», хотя русскоязычная иммиграция в контексте демографического кризиса имеет очевидные преимущества. До сих пор существующее миграционное законодательство не предусматривает никаких льгот для этнических русских. Подобная политика способствовала возникновению у этнических русских и русскоязычного населения ощущения, что Россия в некотором смысле их «бросила». Более того, эта часть населения питает к Российской Федерации неоднозначные чувства, поскольку зачастую не идентифицирует себя с новой политической единицей, по крайней мере в ее новых границах. Само название страны — Россия и официальное название ее жителей «россияне», введенные Петром Первым, не соотносятся напрямую с понятиями «русский язык» и «этнические русские». И если это различие между «русскими» и «россиянами» вполне уместно в многонациональном государстве, которым является Россия, оно создает известную двусмысленность для этнических русских как в самой России, так и за ее пределами.

С приходом к власти Владимира Путина Россия начала осуществлять более активную политику в отношении «соотечественников за рубежом». В области миграционной политики президентом РФ был принят Указ «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечествен-

ников за рубежом» (май 2006 г.). Соответствующая государственная программа была утверждена для того, чтобы стимулировать переселение «воспитанных в традициях российской культуры, владеющих русским языком и не желающих терять связь с Россией соотечественников». Однако если эта мера играла свою роль как очередной шаг по укреплению авторитета России среди русскоязычного сообщества за рубежом, то она носила и продолжает носить довольно символический характер по своим конкретным результатам: «Количество воспользовавшихся программой составляет сравнительно небольшую долю от общего числа переезжающих в Россию на ПМЖ, и значение репатриации в миграционных процессах остается незначительным» [Овдин 2014, с. 106]. К тому же данная программа не дает никаких преференций для этнических русских, проживающих за рубежом.

В апреле 2014 г. был принят закон, который позволяет «носителям русского языка», имеющим родственников, постоянно проживающих или проживавших на территории Российской Федерации, получить российское гражданство в упрощенном порядке [О внесении изменений... 2014]. Данный закон является очередным шагом в сторону признания особых прав русскоязычных «соотечественников за рубежом», хотя тоже избегает прямого упоминания об этнических русских. Такая осторожность российских властей обусловлена желанием не обострять межнациональные отношения внутри страны и не провоцировать усиление дискриминации в отношении этнических русских в соседних государствах.

Владимир Путин, хорошо сознавая, насколько нелегко объединить русское и русскоязычное население вокруг единого проекта «Россия», не ограничился продвижением межгосударственного объединения постсоветских республик для сохранения или даже воссоздания общего пространства (создание Евразийского экономического союза), но и взял на вооружение понятие «Русский мир» [Агеева 2016, с. 8–24]. Оно включает в себя и саму Россию как центр и опору Русского мира, и русскоязычное население ближнего зарубежья, и русскоязычную диаспору. Цель — создать тесную культурную связь между Россией и ее «соотечественниками за рубежом», чтобы сохранить общую русскую идентичность и одновременно сделать из России центр интегрированного русскоязычного пространства. Один из главных идеологов такого подхода — патриарх Кирилл, предстоятель Русской православной церкви, каноническая территория которой распространяется почти на всю территорию бывшего СССР. В самом деле, церковь выступает тем институтом, который продолжает официально использовать термин «русский» в его старом, культурно-духовном понимании («Русская православная церковь»). Тем самым она считает себя воплощением единства русского (православного) мира. Патриарх Кирилл утверждает, что «Москва, Киев, Минск, Кишинев, Астана могут стать центрами не просто отдельных государств, но и центрами общей, могучей цивилизации, от имени которой они способны во весь голос говорить с другими цивилизационными полюсами мира. Важно, чтобы каждый из этих центров, сохраняя свою самобытность, в то же время развивал взаимосвязи с другими столицами единого духовно-культурного пространства Русского мира» [Выступление... 2010].

Украинский кризис

На этом фоне попытки включить Украину в европейско-атлантические структуры воспринимаются в России как попытка расколоть Русский мир: четкая и безоговорочная поддержка, которой пользуется новый киевский режим со стороны западных держав, воспринимается Москвой как вмешательство Запада, направленное на то, чтобы любой ценой отделить Украину от России. При этом использование украинского кризиса для присоединения Крыма к России иначе поставило «русский вопрос»: опираясь на референдум в Крыму для оправдания «воссоединения», Россия выводит на первый план право русского и даже русскоязычного населения отделяться от других государств с тем, чтобы вступить в состав Российской Федерации. Безусловно, Крым представляет собой исключительный случай по целому ряду причин, к которым можно отнести: противоречивые обстоятельства его недавнего присоединения к Украине, подавляющее большинство этнически русского населения, размещение здесь базы Черноморского флота и т. д. В целом, несмотря на критику со стороны «либеральных» кругов, «возвращение Крыма» оценивается в России однозначно. Позиция Михаила Горбачева, не раз критически высказывавшегося по поводу политического курса Кремля, в этом отношении довольно хорошо иллюстрирует «крымский консенсус» среди россиян. В марте 2014 г. он заявил: «...Сейчас в Крыму все произошло по просьбе и желанию людей. Хорошо, что пошли таким путем, путем референдума, и показали, что люди действительно хотят вернуться в Россию, показали, что людей там никто никуда не загоняет. <...> И, пользуясь своим суверенитетом, Крым высказался за желание быть с Россией. А значит, это счастье. Это свобода выбора, без которой не должно быть ничего» [Шепелин 2014].

Однако по мере того, как развивались события в Донбассе, за несколько месяцев вопрос защиты прав русскоязычного населения перерос в тяжелый военный конфликт. Независимо от доли ответственности различных участников кризиса очевидно, что этот кризис заводит российско-украинские отношения в трагический тупик. Москва обвиняет Украину в том, что она предпочла силой подавить протестное движение русскоязычного населения, используя, в частности, отряды наемных бойцов фашистского толка; Киев отвечает, что речь идет о защите территориальной целостности государства перед лицом «сепаратистского» движения, которое напрямую поддерживает Москва. Этот кризис сопровождается беспрецедентное ухудшение российско-западных отношений, которое нашло выражение в политике санкций. Запад обвиняет Россию в нарушении неприкосновенности границ и разжигании конфликта на востоке Украины; Москва, в свою очередь, обвиняет Запад в том, что тот закрывает глаза на очевидные преступления киевского режима (массовый обстрел населенных пунктов, трагедия в Одессе...). Этот сценарий подтверждает худшие опасения Михаила Горбачева, высказанные в 2014 г.: «Ни в коем случае не допускать крови. <...> К этому могут подтолкнуть много хищников вокруг России. Для них Украина и Крым не важны. Им принципиальнее не допустить реализации планов, которые вынашивала Россия последние годы» [Шепелин 2014]. Далее последний глава СССР, неоднократно повторявший такую интерпретацию конфликта на Украине и неоднократно критиковавший Запад, добавляет: «Южная Украина по составу населения — это, по сути, тот же Крым, по истории. Населена

русскими, освоена русскими. Но они должны сами решать, как им жить, и не надо их никуда загонять. <...> У них перед глазами теперь есть пример [Крыма]». Здесь поражает сходство между высказываниями последнего советского лидера и высказываниями Александра Солженицына, на четверть века опередившего Горбачева. Сходство их мнений подтверждает, что «русский вопрос» и вопрос русскоязычного населения бывшего СССР в большей мере находятся за пределами обычных разногласий, характерных для российского общества и российской элиты.

Тем временем затяжной конфликт в Донбассе при невыполнении Минских соглашений породил новую реальность на востоке Украины. Противостояние внутри Украины происходит между двумя геополитическими ориентациями (максимальное сближение с Россией или европейский вектор) и между двумя культурно-языковыми моделями (принадлежность к многонациональному Русскому миру против одноязычного национального украинского проекта). В связи с этим тот факт, что самопровозглашенные Донецкая и Луганская республики называются «народными», еще раз свидетельствует не только о социально-экономической составляющей донбасского движения, но и об особой «советской», наднациональной идентичности русскоязычного населения востока Украины. Данное обстоятельство имело и имеет большое влияние на развитие ситуации на Украине, так же как и на взаимоотношения между Москвой и «пророссийскими» движениями в этой стране.

Очевидно, что, несмотря на неблагоприятное демографическое развитие, в особенности в 90-е годы, проблема русских и русскоязычных продолжает оставаться ключевым элементом постсоветской геополитики. Это население дорожит русской культурой и вопреки неоднозначным отношениям с Россией предпочитает в большинстве своем сохранять с ней тесную связь. При этом существование русскоязычной наднациональной идентичности — не только вызов для новых независимых государств, но и важный фактор во взаимоотношениях между Россией и «соотечественниками за рубежом». Российские элиты, со своей стороны, видят в русскоязычном сообществе Русский мир, для которого Россия служит центром и защитником. Свести эти представления к проявлению империализма было бы однобоко; не учитывать их — чревато дестабилизацией всего региона, о чем свидетельствует конфликт на Украине.

Источники и литература

- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп. 2016. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0 (дата обращения: 25.11.2016).
- Москальков С. П. Географические аспекты распространения русского языка в СССР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1990. № 3. С. 12–20.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Астрель, 2013. 288 с.
- Омарова З. М. К вопросу об определении понятия «соотечественники за рубежом»: опыт России // Власть. 2008. Март. С. 34–41.
- Разрушение общности советских народов и русская нация // Слово. 27.07.2009. URL: www.portal-slovo.ru/history/41258.php (дата обращения: 25.11.2016)
- Москальков С. П. Географические аспекты распространения русского языка в СССР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1990. № 3. С. 12–20.
- Что такое быть белорусом // НИСЭПИ [Независимый институт социально-экономических и политических исследований], декабрь 2009 г. URL: www.iiseps.org/analitica/213 (дата обращения: 25.11.2016)

- Солженицын А. Как нам обустроить Россию: посильные соображения. Л.: Советский писатель, 1990. 64 с.
- Солженицын А. Русский вопрос к концу XX века. М.: Голос, 1995. 112 с.
- Гамова С. Рогозин может прекратить войну приднепровских кланов // Независимая газета. 21.09.2016. URL: http://www.ng.ru/cis/2016-09-21/1_rogozin.html (дата обращения: 25.11.2016)
- Рафеев Д. К. Ядерный фактор во внешней политике Украины (1991–1996 гг.) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 3. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/701/55> (дата обращения: 25.11.2016)
- Овдин А. В. Возвращение в Россию проживающих за рубежом соотечественников и его значение в миграционных процессах // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2014. №8. Социология. С. 106–113.
- О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. № 71-ФЗ // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/70640488/ixzz4S5MGevYr> (дата обращения: 25.11.2016)
- Агеева В. Д. Российская мягкая сила: между «Русским миром» и Евразией // Наука Красноярья. 2016. №1(24). С. 8–24.
- Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии IV Ассамблеи Русского мира // Официальный сайт Московского Патриархата. 3.11.2010. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1310952.html> (дата обращения: 25.11.2016)
- Шепелин И. Михаил Горбачев: «Возвращение Крыма России — это счастье» // Слон. 17.03.2014. URL: http://slon.ru/russia/mikhail_gorbachev_vozvrashchenie_kryma_rossii_eto_schaste-1071703.xhtml (дата обращения: 25.11.2016)
- Janmaat J. G. Language politics in education and the response of the Russians in Ukraine // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27, no. 3. P. 475–501.
- Laitin D. Identity in Formation, the Russian-speaking population in the near abroad. Ithaca: Cornell University Press, 1998. 417 p.
- Teurtrie D. La Biélorussie: entre russification et européanisation / ed. by Maryline Dupont-Dobrzynski, Garik Galstyan (dir.) // Les influences du modèle de gouvernance de l'Union européenne sur les PECO et la CEI. Lyon: ENS de Lyon, 2011. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article349> (дата обращения: 25.11.2016)

References

- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1989 goda. Nacionalnyj sostav naseleniya po respublikam SSSR [All-Union population census of 1989. National composition of population in the republics of the USSR]. *Demoskop*. 2016. (in Russ.) Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0 (accessed 25.11.2016)
- Moskalkov S. P. Geograficheskie aspekty rasprostraneniya russkogo yazyka v SSSR [Geographical aspects of the Russian language in the USSR]. *Vestnik Moskow State University*. Series 5. Geografy. 1990, no. 3, pp. 12–20. (In Russian)
- Brzezinski Z. *Velikaya shaxmatnaya doska* [The Grand Chessboard]. Moscow, Astrel Publ., 2013, 288 p. (In Russian)
- Omarova Z. M. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «sootchestvenniki za rubezhom»: opyt Rossii [To the question of the definition of “compatriots abroad”: the Russian experience]. *Vlast'*, 2008, March, pp. 34–41. (In Russian)
- Vdovin A. I. Razrushenie obshhnosti sovetskix narodov i russkaya naciya [The destruction of community of the Soviet people and the Russian nation]. *Slovo*, 27.07.2009. 27.07. (in Russ.). Available at: www.portal-slovo.ru/history/41258.php (accessed 25.11.2016)
- Moskalkov S. P. Geograficheskie aspekty rasprostraneniya russkogo yazyka v SSSR [Geographical aspects of the Russian language in the USSR]. *Vestnik of Moskow State Universite*. Series 5. Geography. 1990, no. 3, pp. 12–20. (In Russian)
- Chto takoe byt belorusom [What it means to be a Belarusian]. *NISEPI*, 2009, no. 12. (in Russ.). Available at: www.iiseps.org/analitica/213 (accessed 25.11.2016).
- Solzhenicyn A. *Kak nam obustroit Rossiyu: posilnye soobrazheniya* [Rebuilding Russia: Feasible considerations]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1990, 64 p. (In Russian)
- Solzhenicyn A. *Russkij vopros k koncu XX veka* [Russian question by the end of the twentieth century]. Moscow, Golos Publ., 1995, 112 p. (In Russian)

- Gamova S. Rogozin mozhet prekratit vojnu pridnestrovskix klanov [Rogozin may terminate the Transnistrian war of clans]. *Nezavisimaya Gazeta*. 2016. 21.09. (in Russ.). Available at: http://www.ng.ru/cis/2016-09-21/1_rogozin.html (accessed: 25.11.2016).
- Rafeenko D. K. Yadernyj faktor vo vneshnej politike Ukrainy (1991–1996 gg.) [The nuclear factor in foreign policy of Ukraine (1991–1996)]. *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyx otnoshenij* [Belarussian journal of international law and international relations], 2004, no. 3. (in Russ.). Available at: <http://www.evolutio.info/content/view/701/55> (accessed 25.11.2016).
- Ovdin A. V. Vozvrashhenie v Rossiyu prozhivayushhix za rubezhom sootchestvennikov i ego znachenie v migracionnyx processax [The return to Russia of living abroad compatriots and its importance in migration processes]. *Vestnik of Tyumen State University*. 2014, no. 8. Sociology, pp. 106–113. (In Russian)
- O vnesenii izmenenii v federalnyj zakon “O grazhdanstve rossijskoj federacii” i otdelnye zakonodatelnye akty rossijskoj federacii* [On amendments to the Federal law “On citizenship of the Russian Federation” and certain legislative acts of the Russian Federation]. Federalnyj zakon ot 20 aprelya 2014 g. n 71-fz. Informacionno-pravovoj portal GARANT.RU. [Legal information portal GARANT.RU]. (in Russ.). Available at: <http://base.garant.ru/70640488/ixzz4s5mgevyp> (accessed 25.11.2016).
- Ageeva V. D. Rossijskaya myagkaya sila: mezhdru “Russkim mirom” i Evraziej [Russian soft power: between the “Russian world” and Eurasia]. *Nauka Krasnoyarya* [Science of Krasnoyarsk], 2016, no. 1(24), pp. 8–24. (In Russian)
- Vystuplenie svyatejshego Patriarxa Kirilla na otkrytii iv assamblei Russkogo mira [Speech of his Holiness Patriarch Kirill at the opening of the IV Assembly of the Russian world]. *Oficialnyj Sajt Moskovskogo Patriarxata* [Official site of the Moscow Patriarchate]. 3.11.2010. (in Russ.). Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1310952.html> (accessed 25.11.2016).
- Shepelin I. Mixail Gorbachev: “Vozvrashhenie Kryma Rossii — eto schaste” [Mikhail Gorbachev: “The Return of Crimea to Russia — this is happiness”]. *Slon*. 17.03.2014. (in Russ.). Available at: http://slon.ru/russia/mikhail_gorbachev_vozvrashchenie_kryma_rossii_eto_schaste-1071703.xhtml (accessed 25.11.2016).
- Janmaat J. G. Language politics in education and the response of the Russians in Ukraine. *Nationalities Papers*, 1999, vol. 27, no. 3, pp. 475–501.
- Laitin D. *Identity in Formation, the Russian-speaking population in the near abroad*. Ithaca, Cornell University Press, 1998, 417 p.
- Teurtrie D. La Biélorussie: entre russification et européanisation. Maryline Dupont-Dobrzynski et Garik Galstyan (dir.) *Les influences du modèle de gouvernance de l’Union européenne sur les PECO et la CEI. [Influences of the governance model of the European Union on the Central and Eastern European States and the CIS]*. Ed. by Maryline Dupont-Dobrzynski, Garik Galstyan (dir.). Lyon, ENS de Lyon Publ., 2011. (in French). Available at: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article349> (accessed 25.11.2016)

Статья поступила в редакцию 10 октября 2016 г.,
рекомендована в печать 26 января 2017 г.